

А.А. ГИРУЦКИЙ

ЯЗЫК И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ

В ряду явлений **язык, культура, наука** древнейшим кажется язык. Так, известный польский языковед Я. Розвадовский утверждал, что задолго до появления каких бы то ни было «наук», а также «религий» и «искусств», у человека в его собственной повседневной жизни уже были элементы и предпосылки всего этого, воплощенные в фактах языка. До религий, вероисповеданий существовали понятия и слова, обозначающие таинственные, загадочные для человека явления и силы, различные чары, добрых и злых духов, бога или богов, загробную жизнь, разнообразные небеса и пекла. Прежде чем возникла какая-либо «теория познания», в головах людей и в языке были уже слова, называющие ощущения, представления, суждения, понятия и воспоминания, правду и уверенность. До появления профессиональной «поэзии» и «поэтов» уже в самые древние времена существовало поэтическое творчество, проявлявшееся в ритмизации речи, ассонансах и аллитерациях, употреблении рифм, сравнений, метафор. Иначе говоря, вместе с проявлениями человеческой жизни развивалось все, что называется наукой и философией, религией и поэзией. Все они берут начало из того, что уже существовало раньше в соответствующих понятиях языка [1, 19-20]. Мысль о первичности языка по отношению к культуре и науке становится еще более очевидной, если учесть, что древнейшие проявления культуры – мифы, сказания и легенды – отводят Слову созидательную роль: посредством его творится сам мир и человек. В традиции многих религий Слово существует до появления человека, управляет инертной материей, находящейся в хаотическом состоянии, и упорядочивает ее формы, создавая в конечном итоге человека.

Взгляд на слово как на духовную сущность, мировой разум, или логос, и как начало, образующее разумность отдельного человека, характерен для

различных культурных традиций – индийской, китайской, греко-латинской. Античная теория именования рассматривает слово не только как ведущее начало, образующее разумное вообще, но и как орудие, с помощью которого производится действие с реальным или воображаемым предметом. В социальном плане слово дает возможность человеку постигать и объяснять мир, приобретать знания, упорядочивать деятельность людей, с его помощью человек учится правильному поведению, этике взаимоотношений, формирует сакральный опыт. В силу этого слово, учили древние мыслители, требует к себе особенно внимательного отношения. Его нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушаются порядок в обществе и космическая гармония.

«Духовная» концепция соотношения языка и реальности, в которой язык творит реальность и соответствует ей, из нанвных представлений о мире переходит затем в древнейшую культуру, а из нее – в философию и филологию как области научного знания. Как известно, идеи античной теории именования получают свое развитие в эпоху средневековья. Для средневековой философии доминирующей является идея о том, что «вещи зримые суть явлейные образы вещей незримых» (Д. Ареопагит), а в качестве прообразов для творимых вещей выступают идеи, «слова ума». В XVII в. создатели «Всеобщей рациональной грамматики» считали, что «дух других людей благодаря способности к слову», не проникая в наше сознание, «может постичь все наши помыслы и все разнообразные движения нашей души». В языкознании XIX в. «духовная» концепция соотношения языка и реальности наиболее ярко воплотилась в учении В. фон Гумбольдта, выдвинувшего тезис о языке как энергии и деятельности духа. Для концепции Гумбольдта наряду с этим характерно признание и конвенционального характера языкового знака, то есть язык в его теории имеет двойственную природу. Методологической основой «духовной» концепции языка Гумбольдта выступили учения Г. Гегеля, Ф. Шеллинга и ряда других философов о духе как первооснове всего сущего и источнике развития мировой истории. В этих учениях дух, являясь движущей силой всякого развития, понимается как идеальная сущность, о которой можно только сказать, что она есть. Вероятно, именно фактор физической «неуловимости» духа в сочетании с авторитетным «давлением» в XVIII – XX вв. на всякое знание «материальных» наук (физико-математических и естественных) не дал возможности языкознанию в дальнейшем в полной мере осознать важность тезиса Гумбольдта для развития лингвистики как науки.

Уже в античности сформировалась и другая точка зрения на соотношение языка и реальности. Согласно ей, никакой природной связи между словом и вещью не существует, а наименование устанавливается по обычаю, по условному соглашению людей. В средневековье эта идея наиболее ярко

воплотилась в концепции номинализма, в которой, как известно, единственной реальностью выступают индивидуальные вещи, а универсалии, то есть общие понятия, это только звуки речи, слова, имена. Взгляд на язык как на конвенциональную, то есть условную, соответствующую установившимся традициям, сущность становится затем (приблизительно с времен французского рационализма) наиболее распространенным в языкознании и в науке в целом. В силу этого в языкознании XIX – XX вв. тема соотношения языка и реальности отходит на второй план, уступая приоритетное место проблеме соотношения языка и культуры. Так, основатели народной психологии, представители психологического направления в языкознании (И.Г. Гердер, Г. Штейнталь, М. Лацарус) подчеркивали, что богатейший материал для исследования духа народа дает история национальной культуры, которая проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, традициях и песнопениях, мифологии и религии. Другой представитель этого направления В. Вундт изучал язык в одном ряду с мифами и обычаями, которые, по его мнению, охватывают собой одновременно зачатки религии и искусства, права и культуры. Еще один яркий представитель психологического направления в языкознании А.А. Потебня исследует язык в связи с народным поэтическим творчеством, народными верованиями и обрядами.

Направление «слова и вещи» Г. Шухардта одной из своих целей ставило культурологическое изучение слов в связи с историей обозначенных ими вещей. «Если цыганская семья, – пишет Шухардт, – гнездится среди развалин старинного дворца, если негритянский вождь водружает на голову в качестве короны цилиндр, если негритянская красавица в широко растянутых мочках ушей носит банку из-под консервов, то ни дворец, ни цилиндр, ни консервная банка не являются культурным достоянием этих народов; это чужие вещи, аналогичные чужим словам» [2, 316].

Для основателя эстетической школы в лингвистике К. Фосслера язык – это часть всеобщей духовной истории, часть истории культуры, поэтому в своих работах он включает рассмотрение языка в широкие культурно-исторические рамки той или иной эпохи (см., например «Культура Франции в зеркале ее языкового развития»).

Один из основателей этнолингвистики, Э. Сепир сущность языка видел не столько в его внешних особенностях и формальных критериях, сколько в связях с культурой, обществом, историей, которые и определяют внутреннюю природу языка и его специфику у каждого этноса. Если культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, то язык есть то, как думают, считал Сепир. При этом он полагает, что нет прямого соответствия между строем языка и культурой народа; с культурой связан только словарный состав языка.

Одной из причин такого пристального внимания к проблеме соотношения языка и культуры являлось понимание того, что культурная деятельность даже простейшего вида, неизбежно покоится на идеях или обобщениях, а человеческий ум способен формулировать идеи, оперировать ими и передавать их только посредством речи. В антропологии, по мнению Р. Белла, имелись значительные разногласия относительно связи существующей между двумя феноменами: язык и культура или язык в культуре. Эти разногласия были до некоторой степени сглажены следующим компромиссом: «До тех пор, пока речь идет о процессе их передачи и о типе механизма их развития, ясно, что язык и культура едины. В практических же целях обычно удобнее их разграничивать» [3, 91].

В рамках этнолингвистики возникает особый взгляд на соотношение языка и реальности. Каждый язык, считал Сепир, сделан по особой модели, поэтому по-своему членит окружающую действительность и навязывает этот способ всем говорящим на нем людям. Люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному, восприятие окружающего мира в значительной степени бессознательно строится на языковых категориях. Эти идеи находят свое отражение в работах ряда зарубежных философов XX века: Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера и др. В них преобладает по преимуществу критическое отношение к языку, которое стремится «преодолеть власть языка», устранить его метафоричность и «двусмысленность», мешающие адекватному выражению философской мысли.

В ряду философских работ этого времени совершенно особо стоят работы А.Ф. Лосева, который видел путь в разрешении философских проблем, проблем бытия в опоре на естественный язык, в раскрытии его соотношения с реальностью. Для Лосева проблема вещи и отношения ее к имени – это одна из труднейших и основных проблем философии. Главный принцип лосевской теории именованья коротко формулируется тезисом: «имя вещи есть сама вещь, хотя вещь не есть имя». Имя и вещь отождествляются им здесь не в фактическом, но в смысловом аспекте. Вещь не есть имя с точки зрения фактической, во всем же остальном, кроме инаковости факта, имя у Лосева то же, что и вещь. Отличительной особенностью его концепции языка является то, что язык перемещается им из конвенциональной сферы, в сферу бытийную, энергетическую. В характерной для него образной манере Лосев пишет: «Имя – великая сила и неубывающая энергия, но это сила в возможности и энергия в потенции. Оно ждет, чтобы разрешиться от груза наполняющих его энергий. Оно переливается через край своими смысловыми возможностями и готово излиться наружу, пребывая, однако, в основе своей внутри предопределенного ему смыслового круга. Оно – эманационно напряжено и нагнетено и бурлит, кипит бесчисленными умными эманациями, подобно тому как само оно есть не что

иное, как умная эманация самой вещи. Нужен какой-нибудь знак, какой-то сигнал, чье-то согласие, чье-то мановение воли, чей-то мельчайший волевой или мыслительный жест, чтобы эти эманации с необычайной силой и энергией пролились наружу, распространились вовне, оплодотворили и зародили бесчисленное количество новых вещей и имен и тем самым засадили и украсили мрачные и мертвые пустыни инобытия» [4, 834]. Тезис Гумбольдта о языке как энергии и деятельности духа был к тому времени изрядно подзабыт и не разрабатывался ни философами, ни лингвистами. Как отмечает Л.А. Гоготипвили, лосевская философия языка была настолько инородна всем тогдашним типам русского и зарубежного лингвистического и философского мышления, что ей приходилось отстранять себя в глубоком одиночестве.

Разгадкой всех тайн бытия для Лосева служит первичное имя Абсолютной Личности, процесс ее самонаименования, ее проявление в инобытии через имя. Цель такого самонаименования Лосев формулирует как самопонимание Первосущности, взгляд на себя с точки зрения инобытия, создание своего цельного и замкнутого образа, в котором единство сущности не расчленяется логическими дефинициями, а закрепляется цельным и единым именем. Такое имя представляет и выявляет Абсолюта как личность, делает возможным его личностное бытие.

Первичное имя – это фундаментальный энергетический каркас, скрепа между бытием и инобытием, «высшая точка, до которой дорастает первая сущность, – с тем, чтобы далее ринуться с этой высоты в бездну инобытия» [4, 745]. Само воплощение Первосущности в инобытии осуществляется через процесс именованья. Формы такого воплощения разнообразны. Именами у Лосева служат число, эйдос, символ, миф. Сюда он относит также априорные формы человеческого сознания, универсальные смыслы, которые исследуются в неокантианстве и феноменологии, а в современном языкознании – в когнитивной лингвистике. Человеческое сознание в системе А.Ф. Лосева – это одна из возможных, но не обязательных субстанций воплощения энергетических эманаций Абсолюта, «специальный» вид его инобытия. Но поскольку инобытие Абсолюта осуществляется через именованье, то и человеческое сознание воплощает его в имена, слова, формы человеческого языка. «Имя вещи, – пишет Лосев, – есть прежде всего слово о вещи. А слово есть продукт сознания. Это – само сознание, которое породило из себя кристаллы смысла. Сознание тоже аморфно, если его брать на стадии слепых и животных ощущений. Сознание тоже алогично, бессмысленно и даже бессмысленно, если его брать в нетронутой текучести его природно-свободных актов. Но вот аморфная текучесть сознания кристаллизуется; его темная бездна расчленяется, осознается, высветляется; его непроглядная ночь слепых ощущений уходит с небосклона человеческих интуиций. И – рождается слово, загорается смысловая заря восходящих

имен, поднимается солнце наименованного и все именующего разума. Слово и имя есть расцветшее сознание, созревший смысл, осознавший себя взрослый ум. Если вещь наименована, это значит, что кто-то где-то (быть может, и сама она, а быть может, и не она сама) и притом как-то *выделил* ее из всего окружающего, наделил какими-то признаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое» [4, 812]. В человеческом языке «как раз и осуществляется общение чистой энергии первичного имени с энергией субъекта, который может использовать эту совокупную энергию либо в соответствии с сущностью, либо – под воздействием разнообразных субъективных, социальных, физических, психических и т. д. факторов – против нее» [4, 916]. А.Ф. Лосев подчеркивает здесь персоналистический аспект человеческого языка, его неравенство первичному имени. Вместе с тем, в силу присутствия в человеческом слове энергии имени Абсолюта, в таком подходе заложена «сопричастность» деятельности человеческого духа «энергийной» деятельности первичного имени.

Современная наука, прежде всего фундаментальная физика, значительно поколебала взгляд на язык только как на конвенциональную сущность, несмотря на стойкое «сопротивление» этому лингвистики. Дело в том, что сегодня в понятие духа можно внести уже физический смысл, самому духу придать определенную форму, что открывает новые перспективы в его исследовании, в изучении сознания и мышления. С точки зрения современной физики, дух – это нулевые световые волны, обладающие энергией и импульсом. И в этой точке происходит смыкание «духовных» и «материальных» наук, поскольку современная физика оперирует понятиями нулевой и импульсной энергии. Такое понимание духа не противоречит и религиозным представлениям о нем (ср. библейское: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы», «Ты одеваешься светом, как ризою»). Поскольку дух – это идеальная сущность, то и форма его может быть только идеальной, «чистой», отвлеченной от форм созданных духом физических объектов. Свое научное воплощение чистая форма находит в современной математике, в таком ее разделе, как топология, которая изучает наиболее общие свойства геометрических фигур, остающиеся неизменными при любых преобразованиях этих фигур. И в этом смысле язык как сущность может иметь одну общую форму, независимую от национальных форм различных языков. Р.О. Якобсон, для которого, как известно, центральным понятием лингвистики был инвариант, считал, что наиболее адекватное представление это понятие находит в топологии.

До недавнего времени принято было считать, что проблема языка играет в естественных и физико-математических науках подчиненную роль. Однако с развитием квантовой механики, когда произошел пересмотр оснований физики, отношение к проблеме языка принципиально изменилось. В современной науке актуальным остается требование полной ясности в изло-

жении теории и неизбежная неточность и недостаточность понятий для выражения ее полного содержания. Язык математики не решает всех проблем, поскольку, с одной стороны, требует окончательной смысловой интерпретации полученных результатов с помощью естественного языка, а с другой — остается неясным, насколько математический язык применим ко всем явлениям.

Лауреат Нобелевской премии, немецкий физик В. Гейзенберг по этому поводу замечает: “Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках “понять”, может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей... В атомной физике мы используем весьма развитый математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности... Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов положиться на естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления” [6, 121].

Здесь возникает языковой парадокс: с одной стороны, язык математики позволяет наиболее точно, однозначно и непротиворечиво описывать разные явления, а с другой, — чтобы понять окончательный смысл полученных результатов, необходимо прибегать к природному языку с его менее строгим понятийно-формальным аппаратом. Кстати, этот парадокс хорошо отражает парадокс копенгагенской интерпретации квантовой теории, которая исходит, с одной стороны, из необходимости описывать эксперименты в понятиях классической физики, а с другой — из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе. В. Гейзенберг, говоря об этом парадоксе, отмечает, что в атомной физике пользуются разными способами описания, исключаящими, но также и дополняющими друг друга, адекватное же описание процесса достигается в конечном счете только игрой различных образов. Физик, когда говорит о событиях в мире атомов, «нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэту, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не заставить его с помощью однозначной формулировки точно следовать определенному направлению мысли» [6, 218].

В современную физику фундаментальных исследований широко входят в качестве терминов слова с художественной образностью: *кварк* (от англ. quark — образ таинственного духа, заимствованный из романа Дж. Джойса “Поминки по Финнегану”; отсюда и наименование частицы, не наблюдаемой в свободном виде и экспериментально не обнаруженной), *аромат*, *ёж*, *пена* и др. Среди пяти типов кварков, или ароматов, выделяют

очарованный, странный, прелестный. И в этом проявляется своя закономерность: образность физической науки приближает ее к разгадке глубинных тайн бытия, где физика и лирика смыкаются в одно целое. В. Гейзенберг писал: «Вообще говоря, нет принципиальных оснований отрицать возможность полного согласования разговорного слова с искусственным языком математики, и можно задать вопрос, почему в квантовой механике этого не произошло, тогда как в теории относительности разговорный язык вполне естественно слился с математическим» [6, 218]. Строго говоря, если в начале было Слово, то непротиворечиво и адекватно описать мироздание можно только с помощью этого первичного Слова.

Энергетическая и информационная «вплетеиность» естественного языка в саму реальность находит свое подтверждение в биологии, в исследованиях, посвященных структурному изоморфизму генетического кода и естественного языка. Р.О. Якобсон относит обе информационные системы – генетический код и естественный язык – к одной из важнейших предпосылок развития культуры: «Генетический код как первичная манифестация жизни, с одной стороны, и язык как универсальный человеческий дар, обеспечивающий важнейший переход от «дочеловеческого» состояния к цивилизации, с другой стороны, – это два фундаментальных резерва информации, передаваемой от предков к потомкам, хранилища молекулярной наследственности и языкового наследия – двух необходимых предпосылок культурной традиции» [7, 389].

Таким образом, взаимодействие между реальностью, культурой, наукой и языковыми средствами их представления требует расширения границ лингвистики как науки. Вероятно, не случайно предметом исследования современной лингвистики стали такие стороны языка, которые раньше считались нелингвистическими, а интеграция различных областей знания стала происходить не по наукам, а по решаемым проблемам, в ряду которых проблема соотношения языка и реальности занимает не последнее место.

Литература

1. Розвадовский Я. М. Значение науки о языке // Косовский Б.И. Общее языкознание. Хрестоматия. Мн., 1976. – С. 12 – 23.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964.
3. Белл Р.Т. Социоллингвистика. М., 1980.
4. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993.
5. Гируцкий А.А. Структура слова. Мн., 2005.
6. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
7. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.